

Глава 352. Далекий силуэт (часть вторая).

Двэйн был не просто магом, но еще и превосходным алхимиком, а потому очень хорошо разбирался в разного рода лекарствах. Он лично проверял препараты, приготовленные для отца, даже пытался придумать новые составы, но даже самые действенные из них очень мало помогали графу.

Он все прекрасно понимал, хоть и не говорил вслух... С какой стороны не посмотри, жизненные силы неотступно покидали старика, и их уже нельзя было восстановить.

Раймонд все чаще кашлял кровью, и его постоянно мучили боли в области грудной клетки, которые не давали ему спать. Несгибаемая воля этого человека была сломлена невыносимыми мучениями, которые он испытывал в ходе своей болезни.

Двэйн не вынес страданий отца и принял решение дать отцу "ледяных ягод".

Употребление этого лекарства в малых количествах могло оказать болеутоляющее действие.

Однако, Двэйна тревожило то, что графу не помогало ни одно лекарство, а от ледяных ягод по-прежнему был эффект... Это был по сути чистый наркотик, который снимал мучительные боли, но не оказывал никакого оздоравливающего действия.

Покончив с делами, Двэйн, вопреки своим планам, остался в имении и неустанно дежурил возле постели отца. Мать каждый день плакала тайком от всех, Габриель пребывал в некотором смятении, свойственном в таких ситуациях его возрасту, один лишь Двэйн не поддавался унынию и поддерживал моральный дух семьи, утешая убитую горем мать и впавшего в панику младшего брата.

Но никто не знал, что молодой герцог каждый вечер сидел у постели отца, ни на минуту не смыкая глаз и не позволяя себе задумываться о чем-либо, дабы ненароком не заснуть. И так продолжалось уже много дней подряд. Все это время он ни на шаг не отходил от старика, даже когда тот крепко спал, он со всей нежностью и любовью глядел на него.

Так или иначе... Время ни на секунду не замедляло свой бег.

Двэйн ради спасения отца даже достал воду из "источника вечной молодости", надеясь, что его вода, которая, как говорилось в легендах, способна вылечить любую болезнь, спасет ему жизнь... Но в итоге, он снова потерпел неудачу.

Очевидно, что болезнь графа и лечение ран никак не связаны между собой, поэтому старый граф Раймонд, израсходовав все свои жизненные силы, наконец покинул этот мир.

Двэйн никогда еще не был так опечален. До этого момента все его начинания заканчивались успехом, и почти в каждом он весьма преуспел, но когда его отец оказался на смертном одре, все его усилия оказались напрасными. Несмотря на то, что он был магом и мог, что называется, "творить чудеса", но, в конце концов, маги тоже не всемогущие боги, а все те же люди.

Некогда он уже изучал все имеющиеся в его библиотеке книги, разыскивая способы восстановления жизненной энергии, но так ничего и не нашел.

Граф Раймонд, скорее всего, тоже понимал, что вылечиться ему уже не удастся. Когда он просыпался, то с трудом переносил мучившие его боли. Разговаривая с сыном, он по-прежнему

улыбался, хотя это стоило ему больших усилий.

Сначала граф Раймонд спрашивал Двэйна о военных и политических делах клана, затем излагал ему свой опыт и давал ценные советы, но по мере ухудшения самочувствия, проблемами семьи он более не интересовался.

Граф Раймонд все заботы о семье передал Двэйну. Они больше не говорили о государственных делах, отец потребовал от сына рассказать ему все о событиях на северо-западе, а также о других интересных происшествиях, например, о трехмесячном строительстве города, о богатом урожае и провианте, кровопролитном сражении у города Англия или о том, как солдаты Северо-западной армии окружили город Лоулань... Однако, граф, как участливый отец, лишь хотел узнать о блистательных заслугах сына. Он спокойно слушал, не высказывая свое мнение, а услышав что-нибудь поистине впечатляющее, на его лице появлялась гордая улыбка.

Чтобы облегчить страдания отца, Двэйн старался как можно красочнее описать произошедшие с ним события. Кончив говорить о северо-западе, он начал рассказывать о своей ссылке и благополучном возвращении на родину, об организованном им футбольном матче и строительстве воздушных шаров, о своих приключениях в Ледяном лесу и о многом другом...

Конечно, Двэйн не стал рассказывать отцу о драконах, Хуссэйне, изгнанных расах и Сэймель, чтобы не заставлять его волноваться.

Шел второй месяц с тех пор, как Двэйн вернулся в замок на равнине Роулинг...

В тот день, Двэйн дал ему немного ледяных ягод... Хотя он по-прежнему улыбался, но на душе у матери и младшего брата было тяжело.

За лекарства для отца отвечал только Двэйн, а потому он знал: в последние несколько дней отец все чаще требовал ледяных ягод, эффект от которых с каждым разом становился все слабей. Раньше ему достаточно было съесть несколько ягод, чтобы уменьшить боль, потом дозу пришлось увеличить в несколько раз, но старику становилось все хуже. В тот день к полудню граф отказался принимать таблетки, мотивируя это тем, что съев эти ягоды, у него ухудшалась концентрация внимания. "Я хочу понять все, что ты мне говоришь, услышать каждое твое слово".

Двэйн почувствовал, как у него на глаза наворачиваются слезы. Он отвернулся и, тщательно вытерев их, молча взял со стола стакан воды, чтобы напоить отца.

- Хорошо, о чем ты хочешь узнать сегодня? - сказал Двэйн и улыбнулся. Сердце пронзила острая боль. - Или давай я лучше расскажу тебе о южных островах. Ты, должно быть, грубо шантажировал их, так?

Раймонд слабо кивнул:

- Южные моря... Сколько лет я провел там! Не будем говорить о юге.

Двэйн промолчал. Сердце его сильно забилося, и он, улыбнувшись, сказал:

- Отец, когда ты поправишься, мы с тобой вместе отправимся на северо-запад. Мы расправимся с Северо-западной армией! К тому же, теперь в наших войсках служат сто тысяч солдат и офицеров. Ты прекрасный главнокомандующий!

Граф Раймонд не ответил, лишь затуманенным взором взглянул на сына, и в его глазах засияла

гордость.

- Сынок, пойд и принеси мне мой меч.

Заколебавшись на миг, Двэйн тут же пошел и снял со стены длинный меч графа. Именно этот меч Раймонд прежде всегда носил за поясом и именно с ним объездил он все земли с севера на юг и с запада на восток.

Старик был уже слишком слаб, чтобы держать меч в руках, поэтому крепко прижал его к себе, слегка дотронувшись до кончика его острия.

- Знаешь, это было более двадцати лет назад, когда я впервые повел войска на битву. Это случилось как раз на северо-западе! Уже тогда этот меч был со мной.

- Верь мне, отец, - тут же сказал Двэйн. - Когда на северо-западе вновь начнется война, ты возьмешь свой меч и поведешь солдат на бой. Ругаард ни за что не сможет победить тебя!

Граф рассмеялся и, опустив руки, пристально посмотрел на Двэйна:

- Сынок. Я знаю, что ты и без меня все сделаешь так, как надо. Ты мой самый лучший сын, и самый талантливый за всю историю клана Роулинг. Я знаю, что ты любое дело сделаешь лучше, чем кто-либо...

Двэйн больше не смог сдерживать слезы:

- Отец!

- Почему плачешь? - глаза графа сияли.

Казалось, в это мгновение все его былое величие разом вернулось к нему.

- Я прожил долгую жизнь и теперь могу умереть со спокойной душой. Я Роулинг, а Роулинги не боятся смерти!

Граф тяжело вздохнул. Хотя его голос звучал слабо, но в нем все еще звучали решительность и настойчивость, свойственные генералу.

- Ступай, сынок. Позови мать и брата. Мне надо кое-что сказать им.

Двэйн посмотрел на отца, и в его душе зародилось предчувствие...

Неужели время уже пришло?

Через несколько минут графиня и Габриель уже стояли возле его постели. Все были приятно удивлены, что у графа вдруг появились силы, и он как будто пошел на поправку. Он без посторонней помощи сел на постели и, опираясь на спинку кровати, спокойным властным голосом сказал:

- Габриель, подойди!

Он поднял голову, жестом подзывая младшего сына к себе. Габриель с заплаканным лицом подошел к отцу. Граф слегка погладил его по голове и мягко сказал:

- Я знаю, все эти дни только Двэйн заботился обо мне, и я не позволял тебе заходить в мою

комнату. Но, сынок, это вовсе не означает, что я не люблю тебя. Знаешь, я только хотел восполнить все то, что я не дал твоему брату. Я с детства обращался с ним слишком жестоко. Я лишь хотел в последние отведенные мне дни дать ему немного ласки, провести с ним немного больше времени. Я верю, ты очень умный мальчик и поймешь мои страдания.

- Да... я понимаю... - сквозь слезы сказал Габриэль и закусил губу.

Затем, граф повернулся к жене и ласково посмотрел на нее:

- Элис... Моя дорогая Элис... Ты моя единственная любовь. Я так счастлив, что ты всю жизнь сопровождала меня. Прости, родная, что впредь я больше не смогу заботиться о наших сыновьях. Доверяю их тебе.

Графиня всегда была женщиной слабой, но в этот момент она вдруг проявила поразительную стойкость. На лице ее появилась обворожительная улыбка, и она с нежностью посмотрела на своего мужа... Удивительно, но на ее глазах не было ни слезинки. Она медленно подошла к кровати и взяла графа за руку и, собрав все свои силы, только сказала:

- Да, я понимаю.

Они много лет прожили вместе, во всем поддерживая друг друга, и одного взгляда графине было достаточно, чтобы выразить свои чувства.

- В этой жизни я познал и славу, и блеск, и успех, и поражение... Поэтому я вполне ею доволен.

Граф вздохнул и, закашлявшись, довольно улыбнулся, а затем медленно сказал:

- Раньше мне казалось, что я умру с тяжестью на душе. Но к счастью, у меня есть такой талантливый сын, и он помог мне загладить мою вину, спас наш род, поэтому теперь я умираю спокойно. Двэйн, подойди ко мне.

Они долго смотрели друг другу в глаза. Наконец, граф заговорил, и в его голосе послышалась усталость.

- За всю свою жизнь я виноват только перед одним человеком. Перед тобой, сын мой. Я хочу возместить тебе тот вред, который я причинил тебе. Раньше, у меня была такая возможность... Очень жаль, что я по-прежнему виноват перед тобой, мой сын. Потому что теперь я более не могу нести ответственность за всю семью и вынужден передать ее тебе, мой юный мальчик... Мне кажется, что я слишком жесток к тебе, но я знаю, что ты все сделаешь, как надо. Верно?

Двэйн посмотрел на отца и тяжело вздохнул:

- Пока я жив, слава Дома Роулинг не угаснет! Отец, я обещаю!

Казалось, граф немного успокоился. Дрожащей рукой он протянул Двэйну свой меч.

Казалось, жизненные силы вновь стали стремительно покидать его. Он больше не в силах был опираться на спинку, а потому снова лег.

- Двэйн... Мой сын... Я виноват перед тобой... Я очень жалею о том, что...

Его голос постепенно слабел. Двэйн вплотную подошел и наклонился к отцу, стараясь расслышать каждое его слово.

Этот некогда могущественный генерал наконец решился сказать, о чем он жалел всю свою жизнь.

Это была не ошибка, совершенная им во время переворота, и не потеря могущества и богатства рода.

- Я... Я был за десять тысяч ли (1 ли = 500 метров) отсюда, когда ты появился на свет... Отец не видел, как родился его первый сын...

Сказав это, он закрыл глаза. Навсегда.

Этот самый выдающийся за все правление династии Августин генерал, наконец, закончил свою блестящую жизнь. Он умер в окружении самых любимых им людей, что для военного было, пожалуй, наивысшим счастьем.

Прижимая отцовский меч к груди, Двэйн чувствовал, будто тяжелый камень лежал на его сердце. Габриель горько плакал в углу. В сердце мага не было ничего, кроме пустоты. И слез тоже не было.

"Я провожу тебя до места, где обитают члены Дома Роулинг. Надеюсь, с тобой все будет хорошо".

"Да, это я подслал людей убить тебя".

"Ты ведь маг, а еще - член Дома Роулинг!"

"Он больше не член нашей семьи!"

"Сын, ты сильнее меня. Я лишь хочу обнять тебя, сын мой...".

"Больше всего на свете я жалею, что не видел, как ты родился".

"Я знаю... Ты все сделаешь так, как надо".

Двэйн крепко сжал меч, и кончики его пальцев побелели.

Наконец, он помог брату подняться и, слегка похлопав его по плечу, процедил:

- Ладно тебе. Не реви!

В это время, очаровательная графиня медленно подошла к постели, наклонилась и поцеловала мужа в лоб, а затем расправила складки на его одеяле, как будто граф всего лишь крепко заснул.

Ее движения были мягкими и плавными.

Затем, она повернулась и посмотрела на двух сыновей. Взгляд ее прекрасных глаз остановился на Двэйне.

- Двэйн, - тихо сказала мать. - Сейчас ты в семье один единственный совершеннолетний мужчина.

Двэйн поднял голову и пристально посмотрел на нее.

В ее глазах читалась невыразимая скорбь. Она беззвучно плакала.

- Твой отец как-то сказал... Что надеется, что именно ты станешь главой Дома Роулинг.

<http://tl.rulate.ru/book/96724/204328>